

ОТ АВТОРА

Это мой дебютный роман. Он вышел двадцать лет назад, в декабре 2004 года, а придуман был еще раньше, весной 2001-го. Писал я его долго и мучительно — отчасти с непривычки, отчасти из-за малоприятного целеполагания: очень хотелось придумать и изложить все так внятно, подробно и пугающе, чтобы сглазить. Ну и чтобы интересно получилось, конечно.

Некоторые активные поклонники считают, что ничего лучше я так и не написал и, очевидно, не напишу. Я же, готовя текст к переизданию, с некоторым удивлением обнаружил, что он вполне логично встраивается в, так сказать, производственную линейку моих сюжетов, где-то предвосхищая, где-то затаптывая всё те же темы, которые изводят меня по сей день и заставляют писать все эти годы.

Стиль, конечно, заметно изменился — я хотя бы избавился от дурацких скобок. Но убирать их из переиздания мы с редакторами не стали и вообще постарались оставить все как было, устранив только явные огрехи первого издания.

Ну и название пришлось поменять. Оригинальным названием «Рущія» я страшно гордился, но издательство настояло на другом — «Татарский удар», а чуть позднее игры с миксованием латиницы и кириллицы пошли косяком, вскоре отмерев за ненадобностью. Сегодня такие игры выглядят совсем замшелыми и немножко опасными, поэтому мы с издателем согласились придумать для юбилейного переиздания

новое название. «Мировая» представляется мне более точным и емким вариантом.

К счастью, многие из тогдашних угроз растворились без следа. К сожалению, некоторые опасности, в том числе представлявшиеся списанными и нелепыми, нас настигли — пусть и не совсем так, как я боялся. Но, выходит, боялся не зря.

Мне очень жаль, что совсем все сглазить не удалось. Я правда старался.

ВСТУПЛЕНИЕ

Казань, ночь на II августа

В детстве родители с некоторой даже гордостью говорили, что меня пушками не разбудишь. Гордость эта превращалась в раздражение каждое буднее утро, когда им приходилось, как тесто, запихивать меня в школьную форму и следить, чтобы я, открыв кран и выдавив столбик поморина на щетку, не уснул, сидя на краю ванны. Но они сдерживались. А сам я до сих пор несдержанно уважаю себя за умение, несмотря на такие свои особенности, не опаздывать ни на зарядку (тогда, на закате загадочной советской эпохи, ее ввели по всем школам — классное было зрелище: школьники в синей форме, в том числе усатые десятиклассники, школьницы в коричневых платьицах с черными передничками, потрескивающими на груди, — выстраиваются в пропахших мелом и пылью вестибюлях школы и десять минут уныло размахивают руками по системе Мюллера, имя которого давно никому не известно, но подвиг, увы, бессмертен), ни на политинформацию, каковую был обязан вести еженедельно.

Навык успевать в последний момент я сохранил и в университете, и на всех своих работах. Пройдя несколько шагов по карьерной лестнице, я первым делом выторговал себе право приходиться в редакцию не когда положено, а когда надо. Потому что годы не разрушили крепость моего сна: так, выдули верхний слой раствора из кладки.

И проснулся я не от шума — тем более что не пушки это были, — а от чувства тревоги, которую я называю про себя папашкиным нюхом. Это из-за него я обычно вскидываюсь, когда в отсутствие Гульки (ушла в поликлинику, например) в детской просыпается Гальчуга и начинает потихоньку реветь. Я в силу некоторой тугоухости первых аккордов не слышу, но сигнал тревоги принимаю и бегу сюсюкать: папа прибег, молочко принес, кто обидел Галияшку, — сон плохой? — получи, сон, по попке. Именно этот нюх, или как уже его назвать, бросил меня на родительской даче к Нурычу, игравшему себе на наружной лестнице второго домика, за секунду до того, как он потерял равновесие и полетел вниз по ступеням. Я не успел — Нурыч накувыркал двойной перелом левой руки, чего я до сих пор не могу простить ни себе, ни поганому своему нюху.

Секунд пять я пытался проморгаться: голову занимали куски уже напрочь забытого сна — в том числе и ту часть головы, в которой сидят глаза и связанные с ними нервы. Поэтому Нурыча я углядел только через пару секунд, после того, как убедился, что Гулька безмятежно дрыхнет. Сын молча сидел на краю нашей кровати, серьезно уставившись в меня. Видимо, этот взгляд меня и разбудил. Эмпатия, не иначе.

Увидев, что я проснулся, Нурыч заулыбался беззубым ртом. Тут я понял, что ничего страшного, по крайней мере, не случилось, и, чтобы Нурыч сильно не радовался, сердито зашипел:

— Ты чего приперся? Обещал ведь, что один спать будешь!

— Папа, извини. Я просто хотел сказать, что, кажется, праздник начался.

В очередной раз мимолетно восхитившись тому, насколько безупречно вежливые формулировки выдает

мой, прямо скажем, нагловатый наследник, я все так же сердито спросил:

— Ты с ума сошел, да? Какой еще праздник?

Нурыч объяснил:

— Так салют же...

— Где салют?

— Где надо. Над кремлем. Пойдем скорее, пока он не кончился.

Я некоторое время помолчал, прикидывая варианты, потом понял, что их, в общем-то, нет.

— Спать ты, пока я не посмотрю, не ляжешь, — констатировал я.

Этот наглец тихонько кивнул.

— Ладно, показывай свой салют, — обреченно сказал я и шикнул: — Только маму не буди!

Нургали готов делиться каждой своей радостью, будь то котенок, обнаруженный за мусоропроводом, или очередной собственноручно выданный зуб, со всем миром. Дележку Нурыч начинал, естественно, с ближайшей родни, причем от подключения к процессу не была застрахована даже годовалая Галия.

Нурыч твердым шагом повел меня в зал, откуда мы в непогожие дни дважды в год, в День Победы и День Республики, наблюдали за прыгающими над кремлем разноцветными снопами. Правда, до Дня Республики оставалось почти три недели, а последний победный праздник во все небо уже и не вспоминался. Соответственно, никакого салюта мой маленький лунатик видеть не мог. Скорее всего, он разбудил меня из-за фигни вроде самопальных петард, пускаемых по поводу и без повода окрестными пироманами.

Салют был. Не совсем, правда, обычный. Сквозь густые деревья ближайшей посадки пробивалось необычно

яркое марево — и я подумал, что администрация музея-заповедника, похоже, решила усилить подсветку кремлевских стен. А когда над деревьями полетели острые разноцветные брызги, и Нурыч закричал восторженным шепотом: «Вон-вон, видишь?», и через секунду донесся раскатистый гул, я понял, что это не подсветка. И не коммерческий салют, о котором время от времени договаривались крупные казанские фирмы по случаю своих юбилеев.

Я совсем ничего не чувствовал: стоял как замороженный, держал подпрыгивающего Нурыча за плечо и смотрел на феерию света, которая деятельно разворачивалась за Казанкой, в нескольких километрах отсюда. Пучки быстрых искр взлетали в разных точках кремлевского периметра, разом отбеливая половину черного неба. От этого огромные тени стремительно, как подрубленные, валились на далекие стены, и казалось, что нескольких здоровенных кусков белой ограды уже нет. Что холм, на котором полтысячелетия стоял кремль, покрылся рвами и воронками. Что губернаторский дворец и торчащая за ним перевернутой белой табуреткой мечеть Кул-Шариф пошли неровными пятнами. И что башня Сююмбике, давно пародировавшая Пизанскую башню, перекосилась больше обычного и стала откровенно щербатой. Следующая вспышка высвечивала стены и башни, и все вроде бы оказывалось в норме. Но приглядеться из-за мельтешения ярких пятен не удавалось. Да и смысла не было приглядываться. Я и так видел то, чего, к счастью, не видел сопевший под ребрами сын: как толстыми кипящими свечками вскидывается и через длиннющую пару секунд опадает вода в Казанке, галогеновой яркости светляки машин на Ленинской дамбе перемешались в кучу, а сама дамба минимум в паре мест потеряла четкость и съехала дорожной плоскостью в воду, будто

нагретая солнцем пластилиновая колбаска. Только солнца не было — была ночь, был неблизкий и совсем нестрашный ад, и был неслышный бетонный гул, который щекотал пятки линолеумом и лоб, мелко, — прохладным стеклом, в которое я, оказывается, уткнулся, стараясь избавиться от совсем не свойственных этому часу бликов.

Потом все кончилось. Гул затих, марево растекалось сквозь прорези в кронах. Подсветка стен погасла, лишь прожектора в верхней трети Сююмбике давали какой-то дерганный свет. Башня походила на натужную ухмылку легшего на бок Чеширского кота, которая пляшет в воздухе, да никак не решится растаять, помигивая, как фиксой, полумесяцем на шпиле.

Нурыч спросил:

— А что за праздник-то? Ведь если салют, то всегда праздник, да ведь, пап?

— Не всегда, — очень спокойно сказал я. — Не знаю. Завтра узнаем.

— А это новый вид салюта был, да?

— Да, — согласился я.

— А видел, там стены как будто горят? Это лазеры, да?

— Нет, *ulim**, просто огонь, — сказал я.

— Как в *Laser Assassins*?

— Круче. Пойдем спать.

Нурыч, счастливый тем, что не пропустил внеплановое зрелище, уснул почти моментально. А я сидел рядом с ним, тихонько гладил сына по голове, и думал, что все время забываю его постричь. И пытался представить себя на месте чиновников ООН, которые совсем недавно объявили нынешний год Годом Казанского кремля, торжественно внесенного

* Сынок (*тат.*).

в список Всемирного наследия, охраняемого ЮНЕСКО, а сегодня, выходит, благословили авиационную группировку НАТО на бомбардировку этого наследия.

И еще пытался понять, на самом ли деле основная вина за налет лежит лично на мне.

Пытался — и не мог.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Казань, апрель

I

— А разве татары писателями бывают?

— Еще как, — вздохнул дядя Юра.

СЕРГЕЙ КАЛЕДИН

В номер на двенадцатое апреля с меня были два авторских материала. Еще один, посвященный участию казанских ученых в советском адекватном ответе на рейгановскую программу «Звездных войн», Долгов завернул на ранней стадии. На утренней планерке он заявил приволокшей текст Наташе Соловьевой, что время настало дурное, потому не следует подставляться по пустякам. Наташа, лелеявшая репутацию склочницы, раскипятилась и потребовала объяснений. Долгов объяснил, что, во-первых, подобные темы наши друзья в погонах любят сливать нарочно, чтобы потом брать журналистов за задницу и судить за разглашение гостайны. Нет, Наташа, до сих пор мы не подставлялись: рассказы зеленодольских конструкторов о разработке сторожевых кораблей для Индии или о пиропатронах для катапультируемых кресел истребителей посвящены давно и официально открытым темам. А с космосом можем влететь. Ведь не факт, что Союз вообще разрабатывал анти-СОИ, и не факт, что эти разработки прекращены. Во-вторых, материал, хоть сдохни,

будет воспринят как натужный такой свист о боевом товариществе Казани и Москвы. Боевые товарищи, значит, готовы в горло друг другу вцепиться, а мы будем из себя «Блокнот агитатора» изображать. Мне, уж простите, дамы, как-то в падлу подмахивать, когда не меня любят. Все, Наташа, диспут закрыт.

Наташа с этим решительно не согласилась, воззвав к авторитету Айрата Идрисовича как непосредственного куратора ее отдела науки и технологий. Айрат Идрисович разозлился и тоже вдарил дуплем.

— Наташа, во-первых, я умоляю, не согласованные со мной темы на планерки не выносить. Во-вторых, подумай еще о такой вещи. Под замес могут попасть наши герои. Допустим, Магдиеву не понравится, что на его территории кто-то крепит военное могущество шовинистов, а Придорогину не понравится, что татарская рука залезла в мягкое стратегическое нутро страны. Получится, что мы дяденек подставили. Тебе, Наташа, это надо? — осведомился я.

— Мне нет, — обрадовался Долгов. — Я не для того газету с нуля строил, чтобы в Гапоны попасть. Это самый главный аргумент. Спасибо, Айрат Идрисович.

— *Isän saw bulğiz**, Алексей Иванович, — легко сказал я, потому что давно привык не обижаться на неспровоцированные подкусы шефа.

В итоге в космический номер пошел всего один «датский» текст, который, по счастью, в правке практически не нуждался. Девочка из елабужского информагентства писала очень прилично. А история о том, как в Закамье приземлился один из предварительных «Востоков» с компанией мышей и тараканов, свитой очередного «Иван

* Будьте здоровы (тат.).

Иваныча» — манекена с подсаженными человеческими органами, — была самоигральной. Нужно было лишь переделать пару официозных оборотов и переставить местами абзацы, попутно отжав из них водичку и обозначив несколько юмористическое отношение к теме. В принципе, этого можно было и не делать, но тогда заметка получалась скучноватой. К тому же я не был уверен, что лет пять-десять назад какая-нибудь местная газета не писала об этом. Такую возможность следовало учесть, чтобы привередливый читатель не возмущался тем, что ему впаривают старую историю, а радовался тому, насколько изящно это делают. Фактами сегодня могут ограничиваться информагентства. Телевидение берет картинкой, газеты — анализом и оценкой. В общем, стилем.

Со вторым материалом была беда. Глава небольшого казанского банка нарисовал предложения о развитии ипотечного кредитования. Текст занимал восемь страниц, то есть требовал сокращения как минимум вдвое. Естественно, автор чуть не на коленях просил обойтись минимальными правками под тем смехотворным предлогом, что он сам статью ужал как мог и теперь в купели остался совершенно обезвоженный ребенок. Естественно, я клятвенно пообещал материал без нужды не трогать — так, поставить пару запятых, пропущенных вордовским редактором. И естественно, планировал резать насмерть. Умелое сокращение не вредит практически никакому тексту — а уж умения мне было не занимать: за пятнадцать лет и заяц насобачится ножницами клацать. Забавно, что пострадавшие авторы, как правило, покушения на территориальную целостность своих опусов почти не замечали. Более того, научник, которого я хронически резал с особенно зверской силой, всегда пылко благодарил за бережное отношение и, по словам коллег, ставил нашу газету в пример другим, нечутко относящимся

к внештатникам. Знали бы они, что со штатниками творить приходится. Взять ту же Наташу... Ладно.

Проблема была в том, что банкир написал толковую статью, лишь самую малость перегруженную дидактикой и поклонами в адрес республиканского руководства. Их удаление сократило бы текст всего-то на страничку — и итоговый объем материала все равно наполовину вываливался из объема, который я самонадеянно запросил на планерке. Да и неразумно было выжигать весь политес чохом, поскольку заметища была-таки политической, рассчитанной главным образом на внимание того самого руководства — а оно обижается как дитя, когда в обращенном к нему тексте не видит привычных комплиментов в свой адрес.

Пришлось браться за самый муторный и выматывающий метод точечной правки: вырезать по слову, если повезет — по фразе из каждого абзаца и предложения, страшно радуясь, когда удавалось выбросить строчку зараз. Вместо стандартного получаса это извращение заняло добрых полтора. К их завершению я ненавидел ипотеку, жилищный вопрос, который так все испортил, редактирование как функцию и банкиров как класс.

В принципе, это было даже хорошо: озлобленный читатель подмечает ляпы и недостатки лучше доброжелательного. А я был очень агрессивен, когда пробежал глазами отредактированную статью. И вынужден был отмякнуть: для столь нудной (в газетах сие называется нужной) темы вышел просто шедевр.

Я сбросил его на верстку и приготовился почувствовать прилив сил, бодрости и гордости оттого, что дневная норма выполнена мною досрочно — но обнаружил, что легкая озлобленность не хочет покидать такого молодца, как я. Удивлялся я недолго, до первого взгляда на часы. Пришла

пора обедать — а мой организм обычно откликается на нее не желудочными руладами, а впадением в депрессию.

Я тут же позвонил Татьяне, которая верстала завтрашний номер, попенял ей за то, что она до сих пор не поставила и даже не заметила лежащую в каталоге номера банкирскую статью, и предложил геен эссен (даже университетская зубрежка и солидная языковая практика, обернувшиеся приличным владением немецким, не излечили меня от очарования ломаным немецким, привитого детской игрой в шпионов). Получив согласие, я положил трубку и уже встал из-за стола, когда телефон торжествующе заулюлюкал. Наверняка куражилась Татьяна, имевшая гнусную привычку любую договоренность закреплять контрольным звонком в голову.

Я поднял трубку и приготовился отлать Таньку за непристойную трату времени, но трубка мужским голосом осветомилась:

— Айрат?

— Да, слушаю вас, — взглянув на часы, сказал я.

— Привет, это Петя беспокоит. Как дела?

Я с детства глуховат, и то ли поэтому, то ли по какой другой причине плохо узнаю голоса по телефону. Не всегда помогает даже предупредительность собеседника, с ходу называющего свое имя. К счастью, знакомых Петь у меня было всего двое, причем второй давно и безнадежно был Петром Николаевичем и под уменьшительно-ласкательными наименованиями в наших диалогах не фигурировал. Зато первый слегка шепелявил. Так что терзания с идентификацией исключались.

— Это у вас дела, а у нас так, делишки. Добрый день, Петь, рад тебя слышать.

Обоснованность моей поправки Петя подтвердил немедленно, сообщив, что у него ко мне небольшое дело,

связанное с публикацией одного интересного материала, так что не могли бы мы встретиться в удобное для меня время, но при этом как можно скорее. Все как всегда, словом.

Петя подошел через сорок минут, когда я уже вернулся из столовой и тягостно размышлял над тем, почему я не езжу на обед домой, где можно вздремнуть, почему я не сплю в кабинете, упав мордой на стол, и как я умудряюсь хоть раз в неделю, но переест так, что бока уже начинают заплывать жирком. Был Петя, как всегда, в дешевом костюме, как всегда, в кепочке и, как всегда, с папочкой.

Первые минуты мы по традиции говорили о детях — я жаловался на Нурькину простуду, а Петя поплакался на карантин, обрушившийся на садик, в меру сил воспитывающий его младшую: жена вынуждена взять недельный отпуск за свой счет и теперь боится, что неделей дело не ограничится.

Потом мы разом замолкли: я выжидающе поглядывал на Петю, а он застенчиво вертел в руках кепку и поглядывал на меня из-под детсадовской челки. Я улыбнулся и сказал:

— Слушаю тебя, Петя.

Он оживился и раскрыл папку:

— Вот... Посмотри, пожалуйста, возможно ли это опубликовать?

Капитан Петр Куликов был офицером контрразведки, ответственным, в частности, за так называемое фиксирование контекста. Схема известная: надо, например, показать Западу, что россияне в массе своей негативно воспринимают попытку требовать со страны долги Парижскому и Лондонскому клубу в полном объеме. Чекисты получают задание, в котором определены основные параметры народной точки зрения, заказывают экспертам, чаще всего нештатным, базовый текст, который предлагают для публикации доверенным

журналистам. Статьи немедленно попадают в обзоры региональной прессы, выполняемые целой кучей агентств, в том числе и зарубежных, — и после этого никто не смеет спорить с тем, что проблема суверенного долга страшно беспокоит общественное мнение в большинстве развитых субъектов РФ. Причем это мнение едино — так что упорствующим в своих заблуждениях кредиторам предстоит преодолевать не капризы отдельных переговорщиков в ранге вице-премьера, которых можно и скovyрнуть, а консолидированную позицию полутора сотен миллионов россиян, которых скovyривать значительно труднее — да и некуда.

И это ведь не вранье: статьи действительно появляются, а поскольку написаны они, как правило, довольно качественно, то и воздействие на читателей оказывают несомненное. И не так уж важно, что было первым, курица или яйцо: сформулировавшая позицию общественности статья или формирование этой позиции демилитаризованными экспертами.

Не знаю, как остальные газеты, но мы шли навстречу гзбэшникам исключительно из собственной сердечной доброты. То обстоятельство, что с чекистами лучше не ссориться, принималось во внимание менее всего — с журналистами тоже если кому и ссориться, то только не чекистам. Главными факторами были классическая верещагинская обида за державу и желание эту обиду перебороть наиболее конструктивным способом. Наконец, ни одна хоть чего-то стоящая газета не откажется от темы, предложенной хоть ментами, хоть бандитами, хоть чертом с рогами, если эта тема интересна читателям.

Никакой оплаты или особой благодарности за содействие я от Пети не требовал. Так, позвонил ему разик, когда готовил заметку про высланного из России сотрудника ЦРУ

Патрика Холлингсуорка, в свое время засветившегося именно в Татарстане. Но сделал я это, скорее, из педагогических соображений, чтобы Куликов не думал, что сотрудничество с прессой это такой шоколад с цельным орехом. На самом деле у меня были более совершенные и отработанные источники, которые в итоге и помогли с материалом (Петя-то очень старался, но выдал устаревшую и куцую казенщину). Еще раз он пообещал мне действительно бомбу — про то, как советники президента Татарстана Рахимов и Ецкевич брали деньги от неких иностранцев. Но ни документов, ни информации я не получил: через пару дней Петя извинился и попросил временно обо всем забыть. Я и забыл.

Требовать от Пети отработки было особо не за что. До сих пор он обращался за содействием трижды. Одну статью — как раз про долги — мы напечатали. Еще с одной, про выборы президента США, не получалось по срокам — из-за каких-то праздников мы пропускали пару номеров и выходили только после выборов (Куликов все-таки выкрутился, пристроив материал в одно из казанских интернет-изданий). Наконец, последнюю Петину просьбу я отклонил с ходу: он притащил невероятно занудный материал о российской позиции по эритрейско-эфиопскому конфликту, к которому Татарстан при всей его вездесущести привязать было решительно невозможно. Петя тогда тягостно вздохнул, но с моими доводами согласился. Я потом несколько недель интересу ради обшаривал интернет вообще и мониторинги региональных СМИ в особенности и не мог не восхититься изощренностью иркутских, кажется, коллег, опубликовавших материал на том основании, что ровно десять лет назад из Эфиопии вернулся последний местный инженер, помогавший африканским братьям строить ГРЭС.

В этот раз осложнений не предвиделось. Принесенный Куликовым текст выглядел как обычно: несколько

прошедших ксерокс страниц, стандартно напечатанных двенадцатым кеглем, с чистым полем вместо шапки и названия (при ксерокопировании грифы и любые пометки, позволяющие идентифицировать принадлежность текста, закрывались полоской бумаги). Но содержание было убойным.

Автор высказывал предположение, что в течение ближайших десяти месяцев США вынудят страны НАТО ввести против России небывало жесткие санкции, чреватые возможностью применения военной силы. Поводом для этого станет резкое обострение отношений между официальными Москвой, продолжающей выстраивать унитарную схему управления государством, и Казанью, продолжающей отстаивать никем не отмененный республиканский суверенитет.

Возможность стороннего силового вмешательства в этот сугубо внутренний конфликт автор расценивал как очень серьезную. Он предполагал, что США обязательно используют обострение конфликта для того, чтобы исполнить давно лелеемую мечту: развалить Россию на семь-восемь новых государств, независимых ото всех, кроме Вашингтона. Большая часть заметки была посвящена обоснованию того, что югославский вариант 1999 года, с эскалацией напряженности вокруг косовского кризиса, бомбежками и интервенцией, может произойти уже в ближайшие три-четыре месяца.

Автор основывался главным образом на косвенных признаках и собственной логике, но цепочка доказательств была выстроена весьма искусно — так что я, несмотря на некоторые сопутствующие обстоятельства, не мог не восхититься качеством текста.

Я прочитал материал дважды: первый раз в некотором ошеломлении, второй раз — вдумчиво, пытаясь найти изъяны. Потом поднял глаза на Петю.

Капитан Куликов напряженно спросил:

— Ну как?

— Круто, — сказал я.

— И это возможно напечатать? — поинтересовался он.

— А думаешь, надо? Смеяться над нами не будут? — уточнил я.

— Не будут, — пообещал Петя, немного покраснев, и добавил: — А напечатать очень надо.

— Ладно, — сказал я, подумав. — Сегодня у нас понедельник. Как насчет среды или четверга?

— Класс, — с удовольствием выдохнул Петя. — Только, Айрат, пожалуйста, чтобы не было дословного цитирования... Своими словами, ладно?

Вот с этим было трудно. Слова и так были мои. Потому что этот текст писал я.

2

Мне нравится БГ, а не наоборот.*

АЛЕКСАНДР БАШЛАЧЕВ

С Петей мы познакомились в середине девяностых, когда я неожиданно для себя оказался в составе правительственной делегации во главе с премьер-министром Татарстана, отбывавшей на заслуженную и страшно напряженную работу в город Париж. Столь чудесной оказией я был обязан давнему приятелю, который служил-служил себе малозаметным чиновником, да вдруг пошел в гору и дорос до заместителя министра внешних сношений республики. Он по старой

* Внесен в реестр иностранных агентов. — Прим. ред.

дружбе и всунул меня пару раз в эскорт, обеспечивающий промоушн столь интимного дела, как внешние сношения.

Включение ничем не примечательного журналиста мало-тиражной деловой газеты в делегацию, в которую традиционно (в силу известных предпочтений чиновников, резонно полагающих, что слово было только в начале, а теперь наступил черед картинки) допускались только официальные фотографии и телеоператоры, потряс журналистскую тусовку во главе с оскорбленным пресс-секретарем кабмина, которого попасть на Елисейские поля не взяли.

Затем настал черед трястись мне — не от страха или гнева, а от изумления. Изумишься тут, когда за два дня до отлета звонит тебе запинаящийся субъект, представляется сотрудником КГБ и предлагает встретиться и поговорить «по поездке». Я решил, что либо мне немедленно дадут ручку с цианидовым пером — на случай, если премьер, надышавшись отравленным свободой галльским воздухом, пополнит нестройные ряды невозвращенцев и выдаст Главную Тайну независимого Татарстана, которую знает каждый мальчишка, но никому ее не говорит — потому что запахло. Либо же со мною наконец-то проведут инструктаж про коварный зарубеж и буржуазную заразу.

Оказалось еще запущеннее: старлей Петр Куликов, мой ровесник чрезвычайно застенчивого вида, попросил всего лишь поглядывать, не пытается ли кто-нибудь из представителей встречающей стороны затеять какую провокацию против гостей. Как именно может выглядеть провокация, Петя толком объяснить не смог — видимо, потому, что термин «провокация» в его советском понимании выглядел безнадежно устаревшим даже с точки зрения кадрового гбэшника, а свободно-российское понимание к тому времени еще не созрело.

В итоге мы сошлись на том, что я буду руководствоваться невыразимым гражданским чувством, каковое поможет мне если не пресечь, то обратить внимание на попытки встреченных французских политиков, бизнесменов или журналистов как-то скомпрометировать нашу сплоченную группу и представляемую ею республику в целом.

Наблюдатель из меня оказался аховый, ничего подозрительного я не заметил, кроме разве что подозрительной страхолюдности хваленых француженков. Но докладывать об этом как о части антитатарского заговора, призванного отвлечь республику от европейской цивилизации, я Пете не стал. Так что старлей Куликов, бдительно позвонивший в первый же день после моего возвращения, только повздыхал, тем не менее многословно поблагодарил меня за отзывчивость — и распрощался, как я решил, навсегда.

Несмотря на это, при первой же встрече с Ильдаром Саматовичем (тогда он еще заходил в редакцию) я решил поинтересоваться, не знаменует ли бурный интерес, проявляемый уважаемым комитетом к моей скромной персоне, возвращение к старой сказке про белого бычка. Ильдара с ходу отвечать не стал, но удивился — или притворился удивленным — и поспешно раскланялся.

Он перезвонил через час, чтобы посетовать на извечную болезнь разветвленных структур, где правая рука не знает ничего про левую (а как ей знать, если у руки мозгов нет), и официально заявить, что господина Куликова и любых других представителей конторы, буде они возникнут на моем горизонте, я могу посылать с легкой душой и в любом направлении. И только врожденная вежливость не позволила мне ответить в том плане, что это правило вполне распространяется на самого подполковника Ильдара Гильфанова, замначальника аналитического управления КГБ Татарстана.

С Гильфановым мы были знакомы лет восемь. То есть поначалу назвать это полноценным знакомством было никак нельзя, потому что первые месяцы я совершенно не представлял себе, что за рыжеватый сухопарый дяденька лет под сорок раз в месяц возникает в кабинете верстки нашей редакции. Он подолгу сидел за компьютером, возился с верстальной программой, попутно открывая букеты окошек, содержимое которых я видел только в кино про хакеров: какие-то столбцы цифр и команд, сменяемые допотопными трехцветными заставками.

Я решил, что дяденька представляет компьютерную фирму, обслуживающую наш верстальный антиквариат. Необходимость в этом была острейшая. Станцию верстки мы закупили в начале девяностых в Германии за дикие по тем временам деньги, пожертвованные руководством республики на развитие свободной прессы. Само собой, аппаратуру сами чиновники и выбирали — и, по их собственным словам, выбрали наилучшую и найдешевейшую. Насчет дешевизны они, похоже, не врали, лишь скромно обходили стороной тот момент, что основная часть переведенной в братскую Германию суммы тут же откатилась в карманы официальных покупателей. А заявления о наилучшести подтверждались разве что известным слоганом про качество, проверенное временем. Время проверило эти сундуки с электроникой как только могло. И занималось этим довольно долго — только некоторое знакомство с историей прикладной кибернетики не позволяет мне утверждать, что именно на наших компьютерах верстались первые издания *Mein Kampf** и все без исключения номера *Völkischer Beobachter*.

* Книга Адольфа Гитлера «Моя борьба» запрещена на территории Российской Федерации в соответствии с законом «О противодействии экстремистской деятельности». — Прим. ред.

Так вот, первые месяцы поглазеть на нашего зверя под сложным названием *Poltype-Monotype* сходилась вся полиграфическая Казань, восхищенно цокавшая языками и хлопавшая ладонями по тучным от сидячей работы ляжкам. Пару лет спустя, когда все предприятия и учреждения обзавелись полноценными писишками и маками, иссякший поток ходоков формировался исключительно из ремонтников, которые являлись гальванизировать наш раритет, а самые отмороженные из них — просто поржать. Последних мы гнали.

Рыжеватый дяденька выделялся на общем фоне разве что аккуратной одеждой, прической и особенно приятной отмытостью, а также тем, что занимал рабочее место верстальщика не более десяти-пятнадцати минут.

Я же не знал, что он не починаяет примус, а скачивает из него отдельные программы — для музея КГБ, не иначе (не для криптографических же нужд), и копирует некоторые номера нашей газеты. Эту тонкость я выяснил почти случайно, когда в разговоре с Долговым посетовал на то, что наш сундук ломается до безобразия часто — так, что уважаемого техника приходится приглашать чуть ли не каждую неделю. Тогда шеф и объяснил мне, что этого техника не приглашают — он сам приходит.

Истина подтвердилась буквально через неделю (все-таки в параноидальных хохмах про жучки, установленные в каждом табурете, доля правды особенно велика).

Уважаемый техник, деликатно постучав, заглянул ко мне в кабинет и испросил десять минут для важной беседы. Здесь он и представился официально, как у них принято — с быстрым сованием раскрытой корочки под нос собеседнику, — и сообщил, что комитет и родина жутко нуждаются в моей помощи. Я тут же сообщил, что работать в КГБ

меня уже звали, почти сразу после окончания университета, и я отказался. И с тех пор не передумал.

Ильдар Саматович мило засмеялся и поинтересовался почему.

Для краткости я сообщил, что в шпионы не гожусь из-за болтливости, в контрразведчики — из-за неодобрительного отношения к любому режиму и субординации, к тому же меня полностью устраивает нынешняя специальность, и примерно до пенсии я менять ее не намерен.

Я не стал уточнять, что в ходе той давней беседы меня особенно разочаровало одно простенькое обстоятельство: пригласивший меня на Черное озеро усатый майор в штатском, наизусть зачитавший мои биографические данные, даже не знал, что я женат, что занят безнадежным воспитанием двухлетнего сына и что живем мы давно не по записанному в майоровой шпаргалке адресу. Если уж гэбэшники не способны выяснить такой малости, подумал тогда я, на что они вообще способны?

Выяснилось, что на многое. Гильфанов, тогда тоже майор, заявил, что я нужен родине и комитету совсем не в качестве штатного сотрудника. Тут я заржал и начал подниматься с места, чтобы поскорее завершить ненужную беседу. Майор ухмыльнулся в ответ и попросил не делать поспешных выводов, а дать ему полминуты, чтобы закончить мысль.

В законченном виде мысль сводилась к следующему. Вопросы государственной безопасности умеют столь много гитик, что самые умные гэбэшники просто не успевают отвечать на эти вопросы в достойном объеме. Поэтому чекисты давно научились занимать ума на стороне — у привлекаемых от случая к случаю экспертов, одним из которых предложено стать и мне. Это не сложно, не противно

и совсем не больно: надо лишь время от времени, очень редко, письменно размышлять на заданную Ильдаром Саматовичем тему — в любой тональности и на совершенно добровольной и, скорее всего, взаимовыгодной основе. Нам от вас нужна не информация, а аналитика, объяснил майор.

Тут я начал кокетничать, говорить, какой я вам аналитик. Гильфанов пресек такое мое недостойное поведение парой изощренных комплиментов и сообщил, что именно моего видения ключевых проблем до сих пор не хватало, чтобы навести полную безопасность на территории Татарстана, а то и всей России.

В общем, он меня уломал — после того как я заявил, что намерен заниматься только тем, что мне интересно, и только на моих условиях, в числе которых я сразу оговорил возможность использовать свои тексты при подготовке журналистских материалов, а также в случае необходимости обращаться в КГБ за информацией (пассаж о взаимовыгодности сотрудничества я предпочел понять только так). Это мне было обещано — в самых закрученных выражениях: «это не в наших правилах, но для вас, в виде исключения — и зная, что вы не будете злоупотреблять, так что все, что в наших силах» и т. д.

Конечно, я не сказал, что готов начать немедленно. За меня это сказал Гильфанов, оказавшийся тем еще ковалем горячего железа. Он извлек из внутреннего кармана сложенный вчетверо листок и предложил подумать над вот этой темой. Бледно напечатанные матричным принтером вопросы так или иначе сводились к опасностям, подстерегавшим Татарстан при самостоятельном налаживании внешнеэкономических, а особенно внешнеполитических связей.